

Известная американская писательница Элиф Батуман посетила Россию, когда еще была аспиранткой. Она провела четыре дня на конференции в Ясной Поляне — усадьбе классика русской литературы Льва Толстого. Причем была в одной и той же одежде.

«Аэрофлот» потерял ее багаж. Купить новые вещи Элиф не могла, потому что усадьба находилась вдалеке от торговых центров. Каждое утро она звонила в авиакомпанию и справлялась о своем чемодане.

«А, это вы, — уже как старой знакомой говорил ей сотрудник «Аэрофлота». — Да, вижу вашу заявку. Доставить по адресу: «Ясная Поляна, усадьба Толстого». Как только мы найдем ваш чемодан, то обязательно его вам отправим. Кстати, вы знакомы с русским выражением «смирение души»?»

Эта история — о пяти людях, которые отказались мириться с жизнью в неработающей, а иногда даже жестокой системе, навсегда изменив свой вид спорта и наш мир.

Пролог

ВЕЧЕР В ХЕЛЬСИНКИ

Воздух в раздевалке «Детройт Ред Уингз» был густым. В нем улавливалась смесь дешевого шампанского и дыма контрабандных кубинских сигар. Аромат свежего пива помогал скрыть мощный запах пота, который источали падающие от усталости мужчины — они отмечали чемпионство, добытое несколько минут назад. С ними была толпа родственников, друзей, журналистов, а также компания знаменитостей, без которых не обходится ни одно подобное мероприятие. Там тусовался, например, Джефф Дэниэлс — номинант на «Оскара» и владелец абонеента на матчи «Детройта», а также Элто Рид — саксофонист из группы «Сильвер Баллет», которая периодически исполняла гимн перед матчами.

Звонкие крики и взрывы смеха развеивали тоску, накопившуюся за последние сорок два года. Кубок Стэнли наконец-то вернулся в Детройт! Это был счастливый момент не только для людей в раздевалке, но и для десятков тысяч болельщиков, которые в тот жаркий летний вечер отмечали победу неподалеку от «Джо Луис Арены». Многие из них лично побывали на последнем матче серии с «Филадельфией», которую «Уингз» выиграли всухую (4:0). Большинство болельщиков покинули спортивный дворец, но задержались на улицах города. Тех, кто смотрел по телевизору этот незабываемый момент в истории хоккея Детройта, было еще больше. Они выбрались из дома, чтобы стать частью грандиозного праздника, приехали на северный берег реки Де-

тройт и примкнули к внезапно развернувшемуся гулянью, которое продолжалось до поздней ночи.

Почти все профессиональные спортсмены отмечают свое чемпионство одинаково — по крайней мере, так было до тех пор, пока они не начали подстраиваться под телевидение. Представляете, они даже надевают защитные очки, чтобы брызги шампанского не попадали в глаза. Так вот, дело было вечером 7 июня 1997 года — в ту эпоху, когда очков еще не надевали. Я с трудом втиснулся в переполненную раздевалку «Детройта». Первым из игроков мне попался Владимир Константинов, который почему-то уже шел к выходу. Он стянул свитер, коньки, наплечники и налокотники, а в остальном выглядел так же, как несколько минут назад, когда вместе с партнерами вальсировал на льду с Кубком Стэнли. В левой руке у него была бутылка шампанского и сигара, которая грозила вот-вот выпасть из пальцев. Мы встретились взглядами, и он протянул мне руку через толпу.

В жизни он был дружелюбным и приветливым человеком, а вот на льду вызывал у соперников ужас. Владимир устало улыбался. Ему было двадцать восемь, карьера в самом расцвете. Один из лучших защитников мира, Константинов при росте 180 см и весе 81 кг был куда более жестким игроком, чем могло показаться на первый взгляд. Но за дерзость на льду приходилось дорого платить. В тот момент я понял, почему его еще подростком начали называть Дед. Когда Константинову было всего восемнадцать, он уже выглядел на сорок. А после изнурительных двух месяцев в плей-офф Кубка Стэнли, которые могли вытянуть жилы из кого угодно, ему вполне можно было дать и все шестьдесят.

— Поздравляю, Владди! Molodyets, — сказал я ему, вернув русское словечко.

Он был настолько ярким человеком, что имел много прозвищ. Болельщики любили называть его «Владина-тор». А вот соперники, которым у борта не раз доставалось от крюка его клюшки, величали его Vlad the Impaler (в честь Влада Цепеша, любившего сажать провинившихся на кол). Однако для большинства партнеров он

был просто Владди — человек, на которого всегда можно положиться.

— Это было трудно, — сказал Константинов полупрошептом, — очень трудно, — и обнял меня одной рукой, притянув к себе. Я моментально вымок в смеси пены и пота на его голубой майке, которая по-прежнему была заправлена в шорты. — Мы выиграли Кубок! Мы победили! Но это было так тяжело... Тяжелее всего на свете.

После этого он вылил остатки шампанского мне на голову и рассмеялся. А затем добавил: «Spasiba».

— Thank you, — повторил он то же самое по-английски. И посмотрел на меня так, что я задумался о смысле его слов.

Я бродил по раздевалке, жал всем руки, задавал вопросы и пытался что-то записывать. Хотя потом все равно не смогу разобрать ни строчки, потому что брызги пива и шампанского размажут чернила по бумаге. Окруженный журналистами капитан команды Стив Айзерман терпеливо отвечал на вопросы после долгожданного круга почета с Кубком Стэнли над головой. Больше никто и никогда не будет сомневаться в нем как в лидере.

Невдалеке стояли ветераны — Слава Фетисов и Игорь Ларионов, когда-то игравшие за ЦСКА и сборную СССР. Они только что завоевали единственный трофей, которого не хватало в их грандиозной карьере. Рядом с Ларионовым был Слава Козлов. Они выросли по соседству — в Воскресенске, почти в восьми тысячах километров от «Джо Луис Арены».

В разных концах раздевалки ликовали Крис Дрэйпер, Джо Кошур, Кирк Молтби и Даррен Маккарти — парни из третьих-четвертых звеньев, которые в основном занимались разрушительной работой. «Гриנדлайн», «Шлифовальная линия» — так называли тройку игроков «Детройта», которая выходила против лидеров соперника. Они были важной частью той звездной команды.

Встретил я там и Никласа Лидстрема, которого потом назовут «идеальным человеком» за поведение на льду

и за его пределами. Я поздравил каждого из них, а в конце концов добрался до лучшего хоккеиста планеты, которого окружали друзья и члены семьи.

— Поздравляю, — сказал я, протягивая руку Сергею Федорову. Он станет первым игроком Русской пятерки из «Детройта» — одного из самых знаменитых сочетаний в истории хоккея, которое навсегда изменит НХЛ.

Сергей сиял от счастья. Он наклонился ко мне и заговорил тихим голосом, чтобы нас никто не слышал:

— Слушай, Кит, а ты помнишь тот вечер в Хельсинки?

Я кивнул.

— Я тоже хорошо помню, — сказал он. — Никогда его не забуду. Но никогда никому об этом не рассказываю. Никогда. Он многое для меня значил.

Я начал понимать, что имел ввиду Константинов, лишь тогда, когда он прошептал «спасибо».

...Спустя почти два десятка лет, весной 2016 года, я снова случайно встретился с Владди на «Джо Луис Арене». Его сопровождала постоянная физиотерапевт Памела Дэмануэл. Они шли в раздевалку «Детройта», и женщина помогала Константинову переставлять раму для ходьбы.

— Привет, Кит! — сказал Владимир и расплылся в улыбке, поймав мой взгляд. Он ответил на рукопожатие и сжал мою руку так же властно и сильно, как в тот вечер, когда выиграл чемпионство с «Ред Уингз».

Я сказал ему пару слов по-английски и добавил еще несколько по-русски. Не было никаких сомнений, что Константинов понял абсолютно все. Мы говорили недолго. И наконец я сказал ему то, что никак не мог выкинуть из головы с тех пор, как защитник «Детройта» попал в аварию на лимузине, которая поставила крест на его карьере и едва не стоила жизни:

— Спасибо тебе, Владимир. Спасибо за воспоминания, которые ты нам подарил. Мы тебя любим.

Глава 1

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

В середине июля 1989 года, примерно через месяц после ежегодного драфта новичков НХЛ, когда большинство имевших к ней отношение людей наслаждались межсезоньем, мне неожиданно позвонили. Джим Лайтс приглашал на обед. «Странное время для звонка», — подумал я.

Лайтс — исполнительный вице-президент «Детройт Ред Уингз», зять Майка и Мэриан Илич. С ним у меня были хорошие рабочие отношения. Но звонил Джим обычно лишь тогда, когда был недоволен моими статьями. Он ругался, я слушал, каждый оставался при своем мнении. На этом все и заканчивалось. Но в тот момент я был в отпуске и уже две недели ничего не публиковал. Тем не менее я понял, что просто так Джим Лайтс на встречу звать не будет.

На следующий день мы сидели за столиком в кафе «Элвуд», которое располагалось напротив театра «Фокс». Иличи в свое время купили этот театр и придали ему блеск, а Лайтс лично руководил процессом. При них это заведение стало настоящей конфеткой, с него началось восстановление потрепанного центра Детройта.

Мы заказали суп и сэндвичи, и Лайтс начал вводить меня в курс дела.

— Сразу оговорюсь: если тебе что-то не понравится, я остановлюсь, и мы больше не будем об этом, — уточнил он.

Я поднял брови.

Джим продолжил после небольшой паузы. Ему было за тридцать, он работал адвокатом, любил улыбаться и рано начал лысеть. Говорил он быстро, но при этом осторожно подбирал слова. Никогда не скрывал эмоций, но всегда контролировал ход беседы. Его было легко рассмешить, и смехом он заражал всех вокруг. А если он злился, что мне приходилось видеть нередко, то это было понятно без слов.

Так вот, на той встрече Лайтс был серьезен, будто хотел сообщить что-то неприятное. Как только нам принесли сэндвичи, он приступил к сути.

— Мы готовы хорошо тебе заплатить. Предлагаем серьезные деньги, — сказал он. — Можешь не сомневаться в том, что у тебя будет полный эксклюзив на статьи, книги и вообще на что угодно.

— Погоди, — сказал я, жестами требуя тайм-аут. — Ты о чем?

— Как ты знаешь, пару недель назад мы задрафтовали несколько советских хоккеистов.

Я кивнул. Конечно же, я был в курсе. Не одна страница «Детройт Фри Пресс» была посвящена моим репортажам на эту тему. Исторический момент для мирового спорта. Представители двадцати одного клуба НХЛ собрались на ежегодный драфт новичков, чтобы по очереди выбрать игроков из юниорских лиг, колледжей, университетов и Европы. В четвертом из двенадцати раундов «Детройт» забрал центрального нападающего Сергея Федорова — среди советских хоккеистов он получил самый высокий номер на драфте за всю историю. А в одиннадцатом раунде «Ред Уингз» выбрали Владимира Константинова.

— Нам стало известно, что в августе русские проведут часть предсезонных сборов в Финляндии, — продолжил Лайтс. Он говорил о сборной Советского Союза. — В Хельсинки они сыграют товарищеский матч против одной из лучших местных команд.

— А я здесь при чем?

— Я больше не знаю никого, кто говорит по-русски.

Я в ошеломлении откинулся на спинку кресла и молча продолжал слушать. Лайтс пояснил, что они с вла-

дельцами клуба предлагают мне съездить на этот матч под прикрытием спортивного журналиста с аккредитацией НХЛ. В Финляндии моя задача будет в том, чтобы «взять интервью» у Федорова и Константинова. И наедине передать им: «Ред Уингз» заинтересованы в том, чтобы они приехали в Детройт как можно скорее. Пусть даже им придется незаконно покинуть страну, которая не желала никуда их отпускать.

— Мы хотим, чтобы ты вышел на связь с Федоровым, — продолжал Лайтс. — И с Константиновым тоже, но нам кажется, что с ним все будет значительно сложнее. У него есть жена и ребенок. Можешь написать им письмо...

В письме, как пояснил Лайтс, я должен был кратко рассказать о городе и «Ред Уингз», обговорить важные финансовые моменты и предоставить контактную информацию, чтобы помочь им решиться и приступить к делу. Как только они будут готовы, «Детройт» использует все свои возможности, политическое влияние и деньги, чтобы как можно скорее перевезти их в Северную Америку.

— Ты разбираешься в хоккее, знаешь все про нас и НХЛ, — сказал Лайтс. — Ни у кого в лиге нет доступа к этим игрокам. А у тебя есть, потому что ты — представитель прессы. Мы просим тебя лишь установить первый контакт от нашего имени. Дальше все берем на себя — если дело вообще пойдет. Но без первого контакта мы даже начать ничего не можем.

Я пытался не подавать виду, но был одновременно и рад, и озадачен, и польщен. И даже чувствовал себя оскорбленным. Сердце мне подсказывало, что эта история может стать определяющей в моей карьере. Умом же, наоборот, я отчетливо понимал, что со стороны Лайтса было абсолютно бестактно вообще заводить об этом речь.

Но я был заинтригован. За шесть лет в разведке, которые я проработал русским лингвистом на Агентство национальной безопасности США, мне и близко ничего подобного не предлагали. А тут, как ни крути, я мог принять участие в настоящей шпионской миссии.

— Ни в коем случае, — тем не менее отрезал я. — На это я не пойду. Ни за что. Даже не уговаривай.

— Я тебя понял. — Лайтс тут же сменил тему, извинился и сказал, что ни в коем случае не хотел меня обидеть.

Мы поговорили о разных мелочах, закончили обед и расстались.

Я чувствовал себя паршиво.

* * *

Пару недель спустя я был на борту «Нордвест эйрлайнс» и летел в Бостон. Там я пересел на «KLM» и через Копенгаген отправился в Хельсинки, чтобы передать важную информацию двум молодым и перспективным советским хоккеистам.

После той встречи с Лайтсом я не находил себе места днем и не спал по ночам, с трудом удерживаясь от соблазна согласиться. Передо мной стояла дилемма. С этической точки зрения принять подобное предложение от команды, игру которой я освещал, было самоубийством. Я целиком и полностью был предан своей газете, которая доверила мне должность спортивного корреспондента и щедро платила за максимально точные и честные репортажи о «Детройт Ред Уингз». Кроме того, я был предан своим читателям — самым страстным и умным хоккейным болельщикам в мире.

Меня могли уволить. Но, несмотря на карьерный риск, я спорил сам с собой, пытаюсь оправдать свой сердечный порыв. В нашем городе выходили две отличные ежедневные газеты, и я делал все возможное для того, чтобы опередить конкурентов. К тому же историю Холодной войны нельзя представить без корреспондентов ведущих западных новостных агентств, которых периодически использовали для обмена информацией между тайными агентами Советского Союза и США.

Более того, об американских журналистах, которые, зачастую сами того не зная, с сороковых годов играли роль курьеров, вербовщиков, информаторов и дезинформаторов, были написаны книги. В 1977-м жур-

нал «Роллинг Стоун» опубликовал сногсшибательную статью обладателя Пулитцеровской премии Карла Бернштейна под названием «ЦРУ и СМИ», в которой он рассказывал о том, что журналисты «Нью-Йорк Таймс», CBS и «Тайм» особо ценились разведкой США.

«Репортеры помогали обрабатывать и вербовать иностранцев в качестве агентов, получали и оценивали информацию, а также предоставляли ложные сведения представителям иностранных правительств, — писал Бернштейн. — Многие подписывали соглашение о сохранении тайны, обещая никогда не разглашать информацию о своих отношениях с Агентством. Кто-то заключал трудовой договор, а кто-то становился оперативным сотрудником резидентуры, пользуясь при этом небывалым уважением».

Мой случай и рядом не стоял со всем этим. Но я все равно терзался сомнениями. Посоветовался с единственным человеком в своей жизни, кому мог доверять как себе, — со своей женой Джо Энн, которая четырнадцать лет проработала в администрации «Детройт Ньюс». Супруга поняла мои мучения и сказала, что подержит меня в любом случае.

Я полагал, что мне стоит посоветоваться также с редакторами «Детройт Фри Пресс» — им тоже можно было доверять. Но я и так примерно представлял, что они скажут: в Хельсинки меня могут направить только по заданию газеты. А история о двух игроках, которых еще не скоро увидят в Детройте — если вообще увидят, — не окупится.

Однако что-то неумолимо тянуло меня принять это предложение, ухватиться за возможность, отправиться на задание. Когда я оглядываюсь назад, мне кажется, что в то время я еще находился в окопе Холодной войны. Помню встречу в Квебеке с потрясающими хоккеистами сборной СССР в рамках Рандеву-87 — их двухматчевой серии против сборной звезд НХЛ. У всех русских было одно и то же выражение лица — сдержанное, без эмоций. Точно как у советских солдат, которых я видел на КПП «Чекпойнт-Чарли» у Берлинской стены в середине семи-